

ДИАСПОРЫ

ЖУРНАЛ НАУЧНЫХ ИССЛЕДИЙ

ISSN 1810-228X

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЕГО НОСИТЕЛИ
В ПОСТОРАНЖЕВОЙ УКРАИНЕ

ГОРА АРАРАТ КАК СИМВОЛ ИДЕНТИЧНОСТИ

ДИЛЕММЫ ЭМИГРАЦИИ ИЗ ИЗРАИЛЯ

РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЕВРОПЕЙСКОМ
ИНТЕРЬЕРЕ

2010

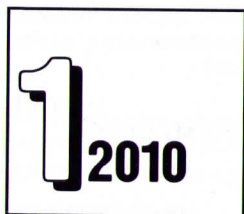
1

**Издание осуществлено
при поддержке фонда «Русский мир»**

ДИАСПОРЫ

НЕЗАВИСИМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал выходит два раза в год
Год издания двенадцатый

МОСКВА

Редакционная коллегия:

Главный редактор

А. Р. Вяткин
(Институт востоковедения
Российской академии наук)

Заместитель главного редактора

В. И. Дятлов
(Иркутский государственный
университет)

Заместитель главного редактора

Н. П. Космарская
(Институт востоковедения
Российской академии наук)

С. А. Арутюнов
(Институт этнологии и антропологии
Российской академии наук)

П. Колсто
(Университет г. Осло, Норвегия)

И. А. Мадий
(Издательство «Наталис»)

А. Ю. Милитарёв
(Институт восточных культур
при Российском государственном
гуманитарном университете)

Е. Я. Сатановский
(Институт Ближнего Востока)

В. А. Тишков
(Институт этнологии и антропологии
Российской академии наук)

А. М. Хазанов
(Университет Висконсина в Мэдисоне,
США)

Editorial Board:

Editor-in-Chief

Anatoly Vyatkin
(Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Victor Dyatlov
(Irkutsk State University)

Deputy Editor-in-Chief

Natalya Kosmarskaya
(Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences)

Sergey Arutyunov
(Institute of Ethnology
and Anthropology,
Russian Academy of Sciences)

Anatoly Khazanov
(University of Wisconsin-
Madison, USA)

Pål Kolsto
(University of Oslo, Norway)

Irina Madiy
(«Natalis» Publishing House)

Alexander Militaryov
(Russian State
Humanitarian University,
Institute of Oriental Cultures)

Evgeniy Satanovsky
(Institute of Near East Studies)

Valeriy Tishkov
(Institute of Ethnology
and Anthropology,
Russian Academy of Sciences)

Научный редактор номера: Н. П. Космарская

Для перепечатки или перевода
опубликованных в журнале
материалов необходимо разре-
шение редакционной коллегии

Публикуемые материалы мо-
гут не отражать точку зрения
учредителей и редакционной
коллекции

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

РУССКИЕ В БЛИЖНЕМ И ДАЛЬНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Русские диаспоры и фонд «Русский мир». Благородные цели и первые успехи	5
<i>Анастасия Забродская, Мартин Эхала.</i> Что для меня Эстония? Об этнолингвистической витальности русскоязычных	8
<i>Андрей Мальгин.</i> «Русский Крым» в посторанжевой Украине. Новые реалии — старые проблемы	26
<i>Алексей Толыго.</i> Русский язык и его носители на Украине в зеркале социологии	45
<i>Алексей Зайцев.</i> Транснациональные русскоязычные сообщества Молдавии	70
<i>Моника Перотто.</i> Мигранты из постсоветских стран в Италии	83
<i>Владимир Ханин, Алек Эпштейн.</i> Возвращение на родину или трудовая эмиграция? Русскоязычные израильяне в России	101
<i>Оксана Моргунова.</i> «Европейцы живут в Европе!» Поиски идентичности в Интернет-сообществе русскоязычных иммигрантов в Великобритании	129
<i>Ольга Бронникова.</i> Формирование «профессиональных» российских диаспор на Западе: русские математики в Великобритании	142
МЕТАМОРФОЗЫ ИДЕНТИЧНОСТИ	151
<i>Иоанна Бохеньска, Игорь Ланченко, Нона Шахназарян.</i> Курдская Мекка? Гора Арарат в восприятии курдов	152
ЖИЗНЬ ДИАСПОР В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ	199
<i>Светлана Прожогина.</i> Драма интеграции. Печальная ди-намика поэтических образов чужбины в творчестве Тахара Бекри	200
ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ	221
«Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и Европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг.» Сб. документов. Отв. ред. Л. Б. Милякова. М., 2008 (<i>Владимир Фисанов, Александр Безаров</i>)	222
Summaries	235

CONTENTS

MAINSTREAM

RUSSIANS IN THE FAR AND NEAR ABROAD

Russian Diasporas and the “Russkiy Mir” Foundation: Noble Goals and Initial Success	5
<i>Anastassia Zabrodskaja, Martin Ehala.</i> What Estonia Means for Me? Ethno-Linguistic Vitality of Russian-Speakers	8
<i>Andrey Mal’gin.</i> “Russian Crimea” in Post-Orange Ukraine. New Realities — Old Problems	26
<i>Alexey Tolpygo.</i> Russian Language and its Native-Speakers in Ukraine Through a Sociological Lens	45
<i>Alexey Zaytsev.</i> Transnational Russian-Speaking Communities in Moldavia	70
<i>Monica Perotto.</i> Migrants from the FSU in Italy	83
<i>Vladimir (Ze’ev) Khanin, Alek D. Epstein.</i> Return to the Motherland or Labour Migration? Russian-Speaking Israelis in Russia	101
<i>Oxana Morgunova.</i> “Europeans Live in Europe”. The Search for Identity in Internet Communities Amongst UK Russian Migrants	129
<i>Ol’ga Bronnikova.</i> The Formation of “Professional” Russian Diasporas in the West: Russian Mathematicians in Great Britain	142
COLLISIONS OF IDENTITY CHANGE	151
<i>Ioanna Bocheńska, Igor’ Lanchenko, Nona Shakhnazaryan.</i> Kurdish Mecca? Kurdish Perceptions of Mt. Ararat	152
LIFE OF DIASPORAS THROUGH THE LENS OF LITERATURE	199
<i>Svetlana Prozhogina.</i> The Drama of Integration. The Sorrowful Dynamics of Poetic Images of a Foreign Land in the Works of Tahar Bekri	200
BOOK REVIEWS	221
“A Book of Pogroms. Pogroms in the Ukraine, Byelorussia and the European Part of Russia During the Civil War, 1918–1922”. A Collection of Documents. Ed. by L. Milyakova. Moscow, 2008 (<i>Vladimir Fisanov, Alexander Bezarov</i>)	222
Summaries	235

РУССКИЕ ДИАСПОРЫ И ФОНД «РУССКИЙ МИР». БЛАГОРОДНЫЕ ЦЕЛИ И ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Наш журнал всегда уделял особое внимание проблемам русских диаспор в ближнем и дальнем зарубежье. Вместе с авторами многих статей мне не раз приходилось сожалеть об отсутствии внятной политики Российской Федерации относительно миллионов соотечественников за рубежом. Разрозненные законодательные акты, неэффективные государственные структуры и отсутствие реального финансирования оставляли носителей русского языка и русской культуры без всякой поддержки в нелёгких экономических и политических условиях.

Создание в июне 2007 г. фонда «Русский мир» породило надежду на прорыв в деле спасения русской культуры и языка за рубежом. Очень важно, что фонд не замкнул свои цели узкими этническими рамками, для него русский мир — не только русские, не только россияне, не только соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, выходцы из России и их потомки. Это ещё и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его; все те, кто искренне интересуется Россией, кто погружен в её историю, культуру, литературу, фольклор, кого волнует её будущее её культурного наследия и будущее страны в целом.

Одним из важнейших направлений работы фонда является создание по всему миру «Русских центров» с весьма широким набором функций культурно-просветительского и образовательного характера. Но самое удивительное в том, что в условиях крайней неэффективности в нашей стране любых официальных инициатив всего за три года количество таких центров насчитывает уже десятки. Значит, многие тысячи книг, огромное количество аудио- и видеокассет и дисков уже несут богатство русской культуры миллионам людей. Фестивали и конкурсы, выставки и образовательные программы, конференции и неформальные встречи — вот реальная работа фонда

«Русский мир». К счастью, она успешна и постоянно расширяется. Во многих странах деятельность фонда даёт надежду на возрождение русского языка и русского мирозерцания у второго и последующих поколений представителей эмиграции.

Журнал «Диаспоры» рад началу сотрудничества с фондом, чьи благородные цели вполне разделяет. Мы будем продолжать публикации о жизни русских и русскоязычных диаспор как в ближнем, так и в дальнем зарубежье, безвозмездно снабдим библиотеки «Русских центров» за рубежом комплектами журнала, будем принимать активное участие в тех мероприятиях, которые фонд проводит в России. Будем вместе работать ради возрождения отечественной культуры, приращения новых знаний о жизни соотечественников за пределами исторической родины.

Главный редактор журнала «Диаспоры»
А. Р. Вяткин

ДИАСПОРЫ

РУССКИЕ
В БЛИЖНЕМ
И ДАЛЬНЕМ
ЗАРУБЕЖЬЕ

ЧТО ДЛЯ МЕНЯ ЭСТОНИЯ? ОБ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВИТАЛЬНОСТИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ

Анастасия Забродская, Мартин Эхала

Введение

В известной степени язык — главная составляющая идентичности группы, и этнолингвистическая витальность является важным показателем возможного языкового сдвига или сохранения языка. Этнолингвистическая витальность (*ethnolinguistic vitality*) обозначает состояние, «которое заставляет группу вести себя в межгрупповой ситуации как самостоятельный коллектив»¹. Чем сильнее этнолингвистическая витальность, тем лучше шансы для сохранения группы во времени; чем слабее — тем выше вероятность того, что группа ассимилируется, т. е. перестает существовать как отдельная единица. В то же время следует отметить, что очень высокая витальность может привести к этноцентризму, способному вызвать межэтнические (или межгрупповые) конфликты.

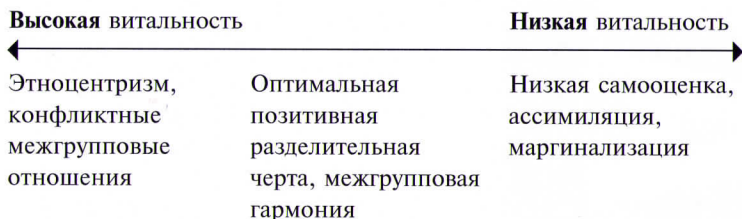

Рис. 1. Взаимосвязь витальности и межгрупповых отношений

Первая часть статьи описывает принципы математической модели (модель V), при помощи которой можно измерить эт-

Доктор Анастасия Забродская, научный сотрудник Таллинского и Тартуского университетов (Эстония); доктор Мартин Эхала, профессор Тартуского университета (Эстония).

нолингвистическую витальность. Во второй части мы представим характеристику этнолингвистической витальности различных групп русскоговорящих жителей Эстонии. Эти группы были выявлены в ходе крупномасштабного количественного исследования (N = 460), проведённого в 2008 г. Параллельно будут проанализированы дискурсивные мировоззрения этих групп на основе полуструктурированных интервью, проведённых в том же году.

Понятие этнолингвистической витальности

Смена языка происходит не на уровне группы, а на уровне индивида: в зависимости от индивидуальных убеждений и на основе собственного решения конкретная личность решает, на каком языке говорить со своими детьми и давать им образование. Понятно, что процесс смены языка обусловлен позицией индивидуума, а не экономической, политической или культурной мощностью группы как таковой. Известно, что отношения и убеждения человека формируются в большой степени под влиянием общественного дискурса, поэтому объективная реальность может влиять на позицию индивидуума только так и в такой мере, в какой они отражаются в этом дискурсе.

Исходя из вышесказанного, разумно рассматривать большую или меньшую витальность группы путём измерения отношений и верований её членов. Данная методика предполагает, что, какой бы ни была реальность, если членам группы кажется, что их группа бесперспективна, то они ведут себя одинаково — меняя язык, независимо от численности группы, статуса и прочих объективных факторов. Естественно, что связь установок и поведения не прямая², но предположительно стойкая. Следовательно, витальность является частью дискурсивного мировоззрения человека. Витальность возникает в ходе взаимодействия следующих чётко выделяющихся семантических полей: 1) ощущаемая «силовая» разница между группой «мы» и наиболее заметной группой «они» (*perceived strength differential, PSD*), 2) уровень диссонанса между этими группами (*the level of intergroup discordance, D*), 3) ощущаемая межгрупповая дистанция (*perceived intergroup distance, R*) и 4) уровень утилитаризма в системе ценностей группы «мы» (*the level of utilitarianism, U*). Рассмотрим предложенную модель подробнее.

бильность может усилить витальность ⁴. Стабильность может выражаться через комбинирование факторов ощущаемой разницы в прочности положения двух групп и диссонанса ⁵. Следовательно, можно утверждать, что стабильность ситуации внутри группы тем выше, чем больше негативная «силовая» разница между группами (**PSD**) и чем ниже межгрупповой диссонанс.

Диссонанс (**D**) выражает ощущаемую незаконность межгрупповых «силовых» отношений, а также стигматизацию, дискриминацию, исторические несправедливости и т. д.

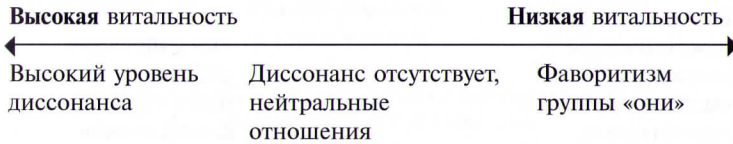

Рис. 3. Взаимосвязь витальности и межгруппового диссонанса

Чем меньше негативная **PSD** и/или выше **D**, тем более нестабильной воспринимается ситуация, поскольку группа с низким статусом имеет как мотивацию (установление справедливости), так и ощутимое желание поменять «силовые» отношения. Это предполагает более высокую витальность группы «мы». Когда ощущаемая «силовая» разница между группами высокая, а ситуация считается законной и стабильной, то члены группы «мы» переходят в наиболее заметную группу «они». Это указывает на низкую витальность группы «мы». Когда к имеющейся формуле добавлен фактор **D**, то она приобретает следующий вид:

$$V = (S_{\text{мы}} - S_{\text{они}}) + D.$$

Межгрупповая дистанция

Однако высокая стабильность не всегда означает смену языка и идентичности. Есть ситуации, когда члены группы с низким статусом могли бы извлечь определённую пользу от смены группы, но пути социальной мобильности для них закрыты. Социальная мобильность возможна, только если границы групп проницаемы, а прототипы членов соответствующих групп достаточно схожи.

В модели V эти факторы выражены переменной межгрупповой дистанции (R). Это сумма культурных различий между группами (язык, религия, ценности, коллективизм/индивидуализм, гендерные роли, кулинарные и иные бытовые предпочтения и пр.). Чем больше межгрупповая дистанция между группами «мы» и «они», тем меньше витальность группы «мы» находится под влиянием высокого статуса группы «они» (см. рис. 4).

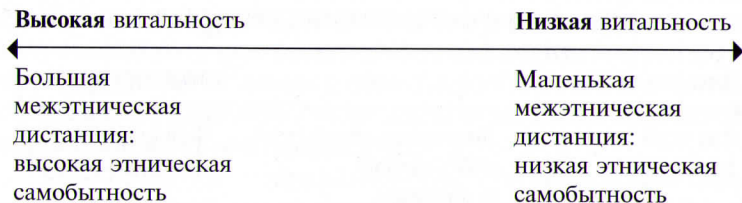

Рис. 4. Взаимосвязь витальности и межгрупповой дистанции

Эффект влияния переменной межгрупповой дистанции может быть сформулирован следующим образом:

$$V = ((S_{\text{мы}} - S_{\text{они}}) + D) : R.$$

Чем выше величина R , тем ближе V подходит к нулю, точке стабильности. В таком случае второстепенная группа с низким статусом, очень отличающаяся от доминантной группы по расовым, языковым и религиозным признакам, будет иметь более высокую витальность, чем второстепенная группа с похожим низким статусом, но более близкая к доминантной по тем же признакам.

Кроме того, есть ситуации, когда даже заметное сходство не ведет к смене групповой принадлежности (например, в случае эмишей: они двуязычны, расово близки к большинству белых американцев и христиане по вере, но группа довольно витальна). Возможная причина их успешного самосохранения — консервативные культурные ценности, выраженными индексом утилитаризма (U).

Утилитаризм

Индекс U отражает влияние культурных ценностей утилитаризма и традиционализма на витальность групп. Чем выше

Социолингвистическая ситуация в Эстонии

В советское время русскоязычные жители Эстонии в большинстве своём оставались одноязычными и не ассимилировались с эстонцами. В 1991 г. была *de facto* восстановлена независимость Эстонской Республики. Единственным государственным языком стал эстонский. В результате уровень владения эстонским языком среди неэстонцев поднялся с 14% в 1989 г. до 44,5% в 2000 г.⁶ Хотя данные переписи отражают скорее субъективную точку зрения информанта об его умении владеть государственным языком, они всё же предполагают и весьма близкое к реальности представление об языковой ситуации.

По данным переписи 2000 г., русскоязычная молодёжь знает эстонский лучше, чем старшее поколение⁷. Молодёжь говорит с родителями по-русски, но начинает всё активнее пользоваться эстонским языком, особенно после окончания учебного заведения и при поступлении на работу⁸. В связи с этим в последнее десятилетие стала возникать модель двуязычной коммуникации⁹. Тот факт, что русскоязычное население стало чаще использовать эстонский язык в повседневной жизни, может стать причиной беспокойства о витальности всей русскоязычной общины в будущем. Напомним, язык — главная составляющая идентичности определённой группы, и этнолингвистическая витальность является важным показателем возможного языкового сдвига или сохранения языка.

Русскоязычные Эстонии отличаются неоднородностью.

1. Региональные различия — русскоязычные северо-востока (Ида-Вирумаа) в своём большинстве монолингвы; в Таллине они обычно имеют определённое знание эстонского языка; живущие же в остальных частях Эстонии, как правило, билингвы в разных функциональных сферах. Это объясняется этническим составом различных территорий: от 95% русскоязычных в Нарве (северо-восток) до меньше чем 10% в сельских районах остальной Эстонии.

2. Различия между поколениями — молодые люди владеют эстонским языком на более высоком уровне.

3. Индивидуальные особенности — доминирование эстонского или русского у отдельной личности зависит от идентификации с Эстонией или Россией, уровнем владения эстонским, целями общения, социальными сетями и прочими факторами.

4. Внутреннее разнообразие русскоязычной общины обуславливает желание и потребность в эстоноязычной коммуникации. Выделяются местные русскоязычные (староверы, потомки переселенцев XIX и начала XX вв.) и те, кто прибыл сюда в советский период (последние, в свою очередь, также не являются однородной социальной массой и по-разному относятся к Эстонии)¹⁰.

Методология исследования

Данная работа была проведена в четыре этапа. Сначала среди русско- и эстоноязычающих студентов Таллинского университета были проведены пилотные исследования для выявления и измерения составляющих индекса межгруппового диссонанса¹¹, поскольку в модели V, использованной ранее при изучении народности *выру*¹² (юг Эстонии), данная переменная в формуле отсутствовала. Пилотные исследования доказали валидность влияния данного фактора на модель V. Когда опросник, охватывающий уже все переменные, был готов, началась подготовка к проведению количественного исследования.

На втором этапе мы составили выборку в зависимости от зон проживания возможных информантов. Она состояла из 460 русскоязычных, отобранных профессиональным агентством по сбору статистических данных в пяти разных социолингвистических регионах Эстонии (см. табл. 1).

Таблица 1

Метод составления выборки

Региональная концентрация социолингвистических общин	Процент русскоязычных среди населения	Количество респондентов
сельские поселения	1—10	50
города и небольшие поселения	10—20	70
западный Таллин	30—50	70
Харьюмаа и Ласнамяэ (русскоязычные районы Таллина)	50—80	120
города Ида-Вирумаа	80—100	150

Наконец, был проведен анонимный письменный опрос. Данные обрабатывались при помощи программы SPSS 14.0 (*Statistical Package for the Social Sciences*).

Результаты опроса показали, что члены русскоязычной общины в Эстонии демонстрируют пять кластеров витальности. Это группы: 1) со средне-низкой витальностью, 2) с низкой самооценкой, но стабильной витальностью, 3) группа со стойкой витальностью и интегрированная, 4) со стойкой витальностью и традиционной системой ценностей и, наконец, 5) группа витальная и диссонирующая (т. е. выражающая негативное отношение к эстонцам).

На основе полученных кластеров и их основных характеристик (подр. см. ниже) А. Забродская провела четыре полуструктурированных групповых интервью с респондентами разного социального статуса, пола и возраста в Тарту, Нарве и Таллине. Далее представлены результаты количественного исследования в виде пяти кластеров, дополненные анализом интервью для получения более достоверной и подробной картины.

Результаты исследования

Всего в опроснике, кроме общих вопросов, содержалось 60 утверждений, построенных по принципу шкалы Ликерта¹³. В ходе анализа все утверждения были разделены на четыре смысловые категории, с целью измерить: 1) ощутимую «силовую» разницу между группой «мы» (русскоязычные) и «они» (эстоноязычные); 2) межгрупповую дистанцию между русско- и эстоноязычными частями населения, 3) уровень утилитаризма/традиционализма русскоязычных; 4) уровень диссонанса между русско- и эстоноязычной группами, в восприятии русскоязычных.

Во всех четырёх группах коэффициент *альфа Кронбаха* был выше 0,7, показывая тем самым, что структурирование утверждений было проведено правильно и надёжно¹⁴. Для того, чтобы сделать возможным анализ данных, были подсчитаны средние значения для четырёх смысловых категорий. Они использовались для вычисления индекса витальности каждого респондента.

Однако наибольший интерес для нас представлял не индекс витальности отдельных индивидов, а различия в виталь-

ности разных подгрупп внутри сообщества русскоязычных. Для их выявления был проведён двухступенчатый кластерный анализ¹⁵ с использованием переменных **PSD**, **R**, **U**, **D** и **V** в качестве вводных данных. В результате удалось выявить пять кластеров витальности (см. табл. 2) — от группы со средне-низкой витальностью до диссонирующей группы с самой высокой витальностью. Большинство респондентов входило в три группы со стабильной витальностью, отличающиеся друг от друга конфигурацией переменных.

Таблица 2

Группы русскоязычных по профилю витальности

Средне-низкая витальность	Группа с низкой самооценкой и стабильной витальностью	Стойко витальная группа, интегрированная	Стойко витальная группа с традиционной системой ценностей	Витальная диссонирующая группа
10%	28%	22%	26%	14%

Далее будет дана более точная комбинированная количественно-качественная характеристика витального профиля каждого кластера.

Группа со средне-низкой витальностью

Эта группа отличается высокой этнической слабостью русскоязычных по сравнению с эстонцами (величина **PSD** 0,46 по шкале от -1 до +1). Члены этой кластерной группы не ощущали какого-нибудь диссонанса в отношениях с эстонцами, фактически величина их **D** (-0,03) показывает даже небольшой фаворитизм группы «они», т. е. тенденцию видеть эстонцев в наиболее предпочтительном свете. В ходе интервью выявились интересные моменты; например, один из информантов высказал мнение, что в эстонской среде заметен культ семьи:

«Я, может быть, обэстониваюсь, то есть ещё пару лет назад, может быть, даже в прошлом году, было такое, как бы душой ощущаешь себя русским человеком. А живя в среде такой, более спокойной можно сказать... и муж у меня эстонец и в эстонской атмосфере я постоянно, то есть я сама чувствую, что я

стала такой неактивной в плане деятельности, скажем... Куда-то сходить, выйти... Больше спокойствия как бы ... больше внимания в семью и в её сторону, чем в наружу общаться... с людьми... что, мне кажется, у эстонцев более преимущественно — это семья, они больше как бы не преклоняются, а предпочтение отдают больше семье, чем друзьям... у меня вот тоже начинает такое появляться».

Что касается культурных ценностей, то эту группу, видимо, можно считать имеющей некоторую склонность к смене и модернизации традиций и культурного наследия, а не к их сохранению ($U = 1,04$ по шкале от 0 до 2). Ответы информантов показали, что члены группы могут менять язык повседневного общения: *«В большей степени использую эстонский язык в повседневной жизни, так и в учёбе».* Просматривается и предпочтение «эстонских» традиций:

«Я русская, живущая в Эстонии, и мне близка больше эстонская культура, потому что, например, все праздники в семье мы празднуем эстонские, что рождество мы не празднуем 7 января, а только 24 декабря».

Дистанция между этой группой и эстонцами была самой незначительной из всех пяти случаев, но всё же существенной ($R = 1,57$ по шкале от 1 до 2). Все эти характеристики предопределили самое низкое значение V среди подгрупп данной выборки ($-0,31$ по шкале от $-2,5$ до $3,5$).

Типичный представитель данной группы имеет следующие характеристики:

- с эстонским гражданством (65%; 1,20¹⁶),
- с высшим образованием (26%; 1,86),
- работает в частном секторе (49%; 1,63),
- имеет доход выше среднего (21%; 2,33),
- живёт в эстоноязычном городе или деревне (60%; 2,31).

Группа с низкой самооценкой и стабильной витальностью

Здесь мы наблюдаем второе по величине значение V ($-0,15$), что сигнализирует о том, что подгруппа в целом сохраняет своё наследие. Особенной её делает отчётливо традиционная система ценностей ($U = 0,89$) и довольно большая межгрупповая ди-

станция по отношению к эстонцам ($R = 1,74$). Члены подгруппы глубоко преданы своим корням, культуре и наследию:

— «[Русский] человек, который говорит по-русски, думает по-русски, который понимает опять же, что за ним есть какой-то пласт культуры... опять же русской, который чувствует опять же корни, которые русские... ну вот... ну, собственно всё»;

— «Когда ощущаешь с собой багаж истории, то есть истории, багаж великой страны...»;

— «Когда в семье соблюдаешь русские традиции, отмечаешь с детьми... праздники именно славянские, например, Пасху там... Новый год, рождество в январе...».

Группа относится к эстонцам нейтрально ($D = 0,06$), но в то же время ощущает их более сильной по сравнению с русскоязычной группой ($PSD = -0,37$).

Типичный представитель группы имеет следующие характеристики:

- старше 60 лет (17%; 1,21),
- пенсионер (21%; 1,31),
- без гражданства (28%; 1,27),
- с высшим образованием (17%; 1,21),
- имеет доход немного ниже среднего (34%; 1,42),
- живёт в Восточной части Эстонии (46%; 1,31).

Стойко витальная группа, интегрированная

Кластер этой группы имел величину $V = -0,08$, указывая на её стойкость в отношении витальности. Группа чётко указывает на существование категории «эстонские русские»:

«В плане национальности я тоже затрудняюсь дать конкретный ответ; с одной стороны я считаю, что Эстония — моя родина, где я родилась... а с другой стороны, всё-таки я себя больше отношу к русским, потому что также язык мой русский, корни русские, но и не только русские, в принципе... в России я жить не смогла бы сейчас...».

Эта группа имеет ещё более традиционную систему ценностей ($U = 0,84$), чем предыдущая; похожее нейтральное отношение к эстонцам ($D = 0,05$); она отличается от группы с низкой самооценкой, но стабильной витальностью малой межгрупповой ди-

станцией по отношению к эстонцам ($R = 1,57$, самое маленькое значение среди пяти групп!) и более сбалансированным восприятием сильных сторон эстони- и русскоговорящих ($PSD = -0,21$).

«А я русский и буду считать себя русским, и никогда в жизни не поменяю, потому что испытываю гордость вообще за великую нацию... Потому что я могу читать огромное число литературы, которое ни у кого не написано... огромное число балетов всяких там, там Чайковский, Рахманинов; я знаю, что у меня это всё есть, я всегда могу, когда мне надо, почитать, посмотреть... Пример с другой национальностью взять — такого багажа культурного вообще не найти нигде. Также великая нация в том, что сколько она войн... Вообще русский народ на самом деле много-страдальный, он многое перетерпел, и говорить о том, что он плохой там где-то, это, конечно, неправда...».

Всё это означает, что данная группа хорошо интегрирована в эстонское общество, но обладает позитивной самооценкой и сохраняет своё культурное и языковое наследие:

«Для меня Эстония — моя родина, мой дом, это мой дом вырастил меня, и я хочу добиться того, чтобы я от себя могла что-нибудь дать, помочь Эстонии... как педагог и что-нибудь сделать, чтобы жизнь стала лучше и легче, чтобы люди себя чувствовали хорошо здесь».

Эта группа обладает оптимистическим взглядом на будущее:

— *«Лет через 50... будет общая такая страна Эстония, где нет такого разделения — там *tiulased* [иноязычные]... Я думаю, что размешается и будет ну так, как в Тарту, например... такая же ситуация будет и у нас [в Нарве]... конечно, не лет через 5—10, а лет через 30 так будет...»;*

— *«Ну и будет, дай Бог, когда-нибудь, чтоб русских и эстонцев называли одним словом — эстонец, это было очень хорошо, я только за это».*

Типичный представитель группы имеет следующие характеристики:

- младше 40 лет (64%; 1,25),
- с эстонским гражданством (79%; 1,46),
- работает в госсекторе (34%; 1,17) или студент (13%; 1,63),
- имеет средний доход (68%; 1,26),
- живёт в эстоноязычном городе или деревне (66%; 1,61).

Стойко витальная группа с традиционной системой ценностей

Кластер этой группы характеризуется прежде всего наиболее традиционной системой ценностей среди всех подгрупп ($U = 0,59$):

«Русский, живущий в Раквере, отличается от русского, который живёт в Нарве, потому что у него другой круг общения, другая среда...».

Это сопровождается отчётливым чувством диссонанса по отношению к эстонцам ($D = 0,17$):

«Вот если бы мне сказали: махнуть палочкой волшебной, и ты превратишься в эстонца, я бы отказался... вот честно...».

Группа также демонстрирует и самую большую межгрупповую дистанцию по отношению к эстонцам ($R = 1,77$):

«У них [эстонцев] ещё реакция негативная, как предубеждение, так как они русских людей не с позитивной стороны знают, и для них, несмотря на моё позитивное отношение к ним, и вообще к... Вообще, в принципе, я достаточно миролюбивый человек, то есть для них я всё равно оказался каким-то, как сказать, врагом... Хотя я не пытался ничего такого сделать...».

Витальность группы до некоторой степени снижена ощущаемой её членами низкой «силовой» разницей между русско- и эстоноговорящими ($PSD = -0,32$), поэтому общий индекс витальности не достигает позитивного значения ($V = -0,05$).

Типичный представитель данной группы имеет следующие характеристики:

- 40—60 лет (52%; 1,49),
- с российским гражданством (40%; 1,74),
- доход ниже среднего (43%; 1,16);
- живёт в Восточной части Эстонии (50%; 1,43).

Витальная диссонирующая группа

Кластер этой группы отличается от остальных несколькими моментами. Во-первых, эти респонденты считают эстонцев и русскоговорящих почти одинаково сильными группами ($PSD = -0,07$).

«[Я считаю себя] русским человеком, потому что был уже момент — до этого у меня была фамилия эстонская, имя, фамилия (пауза), и мои родственники, которые живут в Таллине, были очень рады и пытались меня в эстонскую школу отправить, но я не согласилась, отбивалась как могла... и когда я вышла замуж, я сменила свою фамилию на русскую... И был момент, что они сказали: “Почему ты так сделала, ведь эстонская фамилия — это эстонская фамилия”, и после этого я не хочу, чтоб про меня думали, что я там эстонка или русская — я русская и я хочу, чтоб обо мне так думали...».

Во вторых, здесь наблюдается самый высокий индекс ощущаемого межэтнического диссонанса ($D = 0,25$) и большая межгрупповая дистанция ($R = 1,75$):

«Не, ну согласитесь, в эстонской среде гораздо больше дегенеративных черт встречается, чем в русской...».

Ощущение дистанции и этнического дискомфорта наводит представителей данной группы на мысль о своей второсортности в местном обществе:

— «Это всё когда-то было, то есть нормальный фашизм... то есть как бы евреи и есть люди, и здесь как бы тоже самое...»;

— «Ну, это очень похоже на Соединённые Штаты начала XX века, да вот есть там места для негров, есть места для белых... здесь то же самое абсолютно. Я не очень сильно утрирую...».

Для этих людей их регион становится значимым местом, придуманным ментально, малым отечеством, в котором они могут «спрятаться» от остальной Эстонии. Идентификация с регионом — это самоидентификация со своего рода «придуманым сообществом»¹⁷.

«Я нарвиянка, у нас особый микроклимат, здесь нельзя сказать, что существуют какие-то острые противоречия между эстонцами и русскими. Да, Нарва — это русский город, но, как это сказать... очень трудно выразить свою мысль, в том плане, что нарвияне — это не русские, но не эстонцы, это особый микромир»;

— «Нарва, она как-то отдельно от Эстонии существует, то есть я понимаю, что да, это территориальная часть Эстонии, но в голове это какой-то отдельный социум, то есть... свой ка-

кой-то мир, может, там маленькая Россия, такая вот ну, в Эстонии».

В то же время заметно пассивно-потребительское отношение к жизни в Эстонии:

«Эстония для меня это место, где мне удобно жить... и здесь мне удобно, комфортно и уютно — вот это для меня Эстония — место, где мне удобно жить».

Их система ценностей хорошо сбалансирована между утилитаризмом и традиционализмом ($U = 0,98$). Все эти факторы делают величину витальности позитивной ($V = 0,1$), тем самым показывая, что эта подгруппа витальна, несогласна и, возможно, готова бросить вызов современным властным отношениям между эстонцами и русскоязычными Эстонии.

Типичный представитель данной группы имеет следующие характеристики:

- младше 40 лет (70%; 1,37),
- без гражданства (33%; 1,50),
- доход значительно ниже среднего (18%; 1,38),
- живёт в Восточной части Эстонии (45%; 1,29).

Заключение

Используемая нами модель основывается на гипотезе, что используемая разница в прочности положения групп «мы» и «они», дистанция между ними, утилитаризм и межгрупповой диссонанс — это главные социально-символические факторы, влияющие на витальность большинства и меньшинства.

Результаты нашего исследования показывают, что русскоязычные Эстонии не представляют собой однородного сообщества с единой системой ценностей. Выделяется несколько подгрупп, отличающихся друг от друга важными свойствами. Следовательно, нельзя говорить о (и измерять) витальности всей русскоязычной общины Эстонии, т. к. это союз подгрупп, имеющих разную склонность к сохранению языка и культуры или, соответственно, к ассимиляции. Одни подгруппы имеют высокие шансы на социальную мобильность, но не все они стремятся ассимилироваться. В то же время есть подгруппы с чёткой предрасположенностью к сохранению языка, но, видимо, только одна из них могла бы

оспорить сейчас сложившийся баланс сил между русскими и эстонцами в стране.

Региональная концентрация социолингвистических общин является определяющим фактором этнолингвистической витальности: чем меньше контактов с эстонцами, тем больше дистанция между двумя группами.

С теоретической точки зрения полученные результаты подтверждают валидность использованной модели. Её дальнейшее тестирование в различных ситуациях межгруппового взаимодействия (например, в России) может обогатить научные и прикладные исследования в области этнолингвистической витальности.

Работа выполнена при поддержке Эстонского фонда науки (Project ETF7350, «Ethnolinguistic Vitality and Identity Construction: Estonia in the Baltic Background»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Giles H., Bourhis R. Y., Taylor D. M. Towards a Theory of Language in Ethnic Group Relations // Language, Ethnicity and Intergroup Relations. Ed. by H. Giles. L., Academic Press, 1977. P. 308.
- ² Ajzen I, Fishbein M. The Influence of Attitudes on Behavior // The Handbook of Attitudes. Ed. by D. Albarracin, B. T. Johnson & M. P. Zanna. New Jersey, Lawrence Erlbaum, 2005.
- ³ Социальной мобильностью мы называем индивидуальную способность индивида «улучшать» свою социальную идентичность, покидая группу с низким статусом, к которой конкретная личность принадлежала ранее, и вливаясь в другую группу с более высоким статусом. Социальная мобильность является главной причиной ассимиляции меньшинств. Наше понимание данного явления построено на убеждении, что границы между различными группами общества в принципе проницаемы. Если же стратегия социальной мобильности не может быть использована из-за непроходимости межгрупповых границ, то второстепенная группа (*subordinate group*) может избрать путь усиления коллективной идентичности как попытку социального изменения (*social change*). Социальное изменение является коллективной стратегией создания социальных движений, ставящих своей целью пересмотр межгруппового соотношения сил. Подр. см.: Tajfel H. & Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // The Psychology of Intergroup Relations. Ed. by S. Worchel & W. G. Austin. Chicago, Nelson-Hall, 1986; Spears R., Jetten J. & Doosje B. The (Il)legitimacy of Ingroup Bias: From Social Reality to Social Resistance // The Psychology of Legitimacy: Emerging Perspectives on Ideology, Justice, and Intergroup Relations. Ed. by J. T. Jost & B. Major. N. Y., Cambridge University Press, 2001; Scott J. Domination and the Arts of Resistance. New Haven, CT, Yale University Press, 1990.
- ⁴ Turner J. C. & Brown R. J. Social Status, Cognitive Alternatives and Intergroup Relations // Differentiation Between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations. L., Academic Press, 1978.

- ⁵ Giles H., Bourhis R. Y., Taylor D. M. Towards a Theory of Language... P. 335. См. также: *Ehala M. & Zabrodskaja A.* Interethnic Discordance and Stability in Estonia // *Journal of Baltic Studies* (in print).
- ⁶ Population and Housing Census. Citizenship, Nationality, Mother Tongue and Command of Foreign Languages. [Rahva ja eluruumide loendus. Kodakondsus, rahvus, emakeel ja võõrkeelt oskus]. Vol. 2. Tallinn, Eesti Statistikaamet, 2000. См. также: <http://www.stat.ee/censuses>.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ *Zabrodskaja A.* Russian-Estonian Code-Switching Among Young Estonian Russians: Developing a Mixed Linguistic Identity // *Kansas Working Papers in Linguistics*. Ed. by P. Mateo, S. Alshboul & W. J. Lawrence. The University of Kansas, 2006. Vol. 28. См. также: <http://hdl.handle.net/1808/1231>.
- ⁹ *Verschik A.* Estonian Compound Nouns and Their Equivalents in the Local Variety of Russian // *Scando-Slavica*. 2004. Vol. 50. P. 89—105; *Verschik A.* Multiple Language Contact in Tallinn: Transfer B2 > A1 or B1 > A2? // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2007. Vol. 10. P. 80—103; *Verschik A.* Emerging Bilingual Speech: From Monolingualism to Code-Copying. L., Continuum, 2008; *Zabrodskaja A.* Russian-Estonian Code-Switching Among Young Estonian Russians...
- ¹⁰ См. также: *Rannut M.* Estonianization Efforts — Post-independence // *Multilingualism in Post-Soviet Countries*. Ed. by A. Pavlenko. Clevedon-Buffalo-Toronto, Multilingual Matters, 2008; *Verschik A.* The Language Situation in Estonia // *Journal of Baltic Studies*. 2005. Vol. 36. P. 283—317; *Verschik A.* Emerging Bilingual Speech... P. 25—47.
- ¹¹ См.: *Zabrodskaja A.* Diminishing Intergroup Discordance Through Cross-Cultural Communication Courses // *Proceedings. Exploratory Workshop «Linguistic and Intercultural Education in the Process of Europeanisation of Higher Education»*. CLIE-2009. Alba Iulia, Romania, 21—23 May. Ed. by T. Popescu, R. Pioariu. University of Alba Iulia, Centre for Research and Innovation in Linguistic Education. Alba Iulia, Editura Aeternitas, 2009.
- ¹² *Ehala M., Niglas K.* Empirical Evaluation of a Mathematical Model of Ethnolinguistic Vitality: the Case of Voro // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2007. Vol. 28. № 6.
- ¹³ *Likert R.* A Technique for the Measurement of Attitudes // *Archives of Psychology*. 1932. Vol. 140. P. 1—55.
- ¹⁴ *Альфа Кронбаха* показывает, насколько высока корреляция между разными вопросами, находящимися внутри какой-либо группы или категории. Чем выше значение показателя, тем сильнее связаны между собой вопросы, образуя единое целое, а значит, им можно дать общее имя или отнести к одной категории. Общее правило таково: вопросы являются действительно связанными, если значение коэффициента *альфа* равно или больше 0,7. См.: *Cronbach L. J.* Coefficient Alpha and the Internal Structure of Tests // *Psychometrika*. 1951. Vol. 16. P. 297—334.
- ¹⁵ Кластерный анализ — статистический инструмент, который группирует дающих похожие ответы респондентов.
- ¹⁶ Следующее за процентом число показывает, во сколько раз удельный вес лиц, принадлежащих к данной категории, выше, чем в выборке в целом.
- ¹⁷ *Johnstone B.* Place, Globalization, and Linguistic Variation // *Critical Reflections on Sociolinguistic Variation*. Ed. by C. Fought. Oxford, Oxford University Press, 2004. P. 69.

SUMMARIES

What Estonia Means for Me? Ethno-Linguistic Vitality of Russian-Speakers

Anastassia Zabrodskaia, Martin Ehala

A new vitality model was designed for measuring group vitality and inter-group communication. This model puts forward a hypothesis that there are some crucial socio-symbolic factors that influence this process such as perceived system stability, inter-group distance, utilitarianism and interethnic discordance. Using the model, the paper discusses ethno-linguistic vitality of Russian-speakers in post-Soviet Estonia, a country with a population of 1 345 million people, where Russians constitute 25,7% of the population (according to 2000 House and Population Census). The results show that local Russian-speaking community is quite diverse in respect of its members' beliefs and attitudes. Thus, diaspora identity is gradually moving apart from the mainland Russian identity. It is also found that intergroup discordance fosters traditional ethnic boundaries.

«Russian Crimea» in Post-Orange Ukraine. New Realities — Old Problems

Andrey Mal'gin

The author identifies the reasons behind the fact that «Russian organizations» of the Crimea (Autonomous Republic of the Crimea — ARK) do not play an active role in the regional political life. This is an astonishing fact because Russians comprise about 60 per cent of the population of the peninsula (and an absolute majority together with the Russian-speaking Ukrainians); their attitudes towards Russia have been quite positive, but, in contrast, the situation around the Russian language, culture and education on the regional level has been taken by them as «threatening». To throw some light on this issue, the intricacies of regional political struggles are analyzed since the early post-Soviet years up to the last presidential elections in Ukraine in 2010.

Russian Language and its Native-Speakers in Ukraine Through a Sociological Lens

Alexey Tolpygo

Russian-speakers of Ukraine comprise about a half of the country's population. More sharp evaluation can hardly be made, as the boundaries of this community are malleable. Moreover, the latter is divided, also in a flexible way, into two parts: the so called passport Russians and passport Ukrainians.

Language legislation of the country is very «old-fashioned», being based on the «Law on Languages» adopted as early as at the very end of the Soviet epoch. And all

ДИАСПОРЫ
независимый научный журнал

№ 1

2010

Научный редактор номера
Н. П. Космарская

Учредители: В. И. Дятлов, И. А. Мадий, В. Ю. Рабинович
Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 30 июля 1999 г.
Регистрационный номер 019027
Адрес редакции: 119034, Москва, Б. Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2
Телефон/факс: (495) 637-34-38; e-mail: natalis_press@mail.ru

Подписано в печать 27.09.10
Формат 60×90¹/₁₆. Объем 15 п. л. Тираж 350 экз.
Печать офсетная. Цена договорная

Отпечатано в ООО «Книга по Требованию»
Заказ 000487

DIASPORAS

I N D E P E N D E N T A C A D E M I C J O U R N A L

В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ:

- ДИАСПОРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ СТРАН БАЛТИИ
- ДИАСПОРЫ И ЭТНИЧНОСТЬ

FORTHCOMING ISSUES: THE MAINSTREAMS

- DIASPORIC LIFE OF THE BALTIC STATES
- DIASPORAS AND ETHNICITY